

РИНА МАНОВА

Седьмая кабинка

*В Петербурге ночь никогда не наступает до
конца.*

Она просто становится прозрачнее.

РОМАН

Рина Манова

Седьмая кабинка

<https://litres.ru/74676823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Белова приехала в Петербург из Череповца с чемоданом, списком целей и стипендией, которую нельзя потерять. Её день расписан по минутам, а днём кабинка номер семь в круглосуточном читальном зале принадлежит только ей.

Ночью в той же кабине кто-то оставляет крошки от сухарей, обгрызок карандаша и недорешённые кроссворды. Ася пишет ему сердитую записку на жёлтом стикере. Он отвечает. И скоро «Ночная смена» становится единственным человеком, которому она может сказать правду о себе.

В это же время в дебатном клубе Асю раз за разом обыгрывает спокойный четверокурсник Глеб Ларин, который почему-то не умеет побеждать обидно. Он слушает так, будто ему действительно важно, что она скажет.

Это история о двух людях, которые привыкли тащить всё сами, и о том, что любовь — это не спасение, а умение слышать друг друга. Даже когда трудно. Особенно когда трудно.

Содержание

Глава 1. Крошки от сушек	4
Глава 2. Ночная смена	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рина Манова

Седьмая кабинка

Глава 1. Крошки от сушек

Ася

В семь пятьдесят две Ася Белова уже стояла у турникета научной библиотеки с пропуском в зубах, термокружкой в одной руке и пакетом из «Пятёрочки» в другой. В пакете лежали два яблока, контейнер с гречкой и пачка жёлтых стикеров, купленная со скидкой. Стикеры были стратегическим запасом.

Охранник посмотрел на неё поверх газеты.

— Опять вы, — сказал он без осуждения, скорее как констатацию погоды.

— Опять я, — согласилась Ася и приложила пропуск.

Турникет подумал и пискнул.

Круглосуточный читальный зал находился на третьем этаже, в конце коридора с портретами академиков, которые смотрели на студентов так, будто те лично им что-то задолжали. Ася любила этот коридор. Она любила вообще всё, что было устроено правильно: высокие окна, тяжёлые двери, табличку «Соблюдайте тишину», выведенную от руки и заламинированную, видимо, ещё при Брежневе.

И больше всего она любила кабинку номер семь.

Кабинок в зале было двенадцать — деревянные боксы с перегородками, лампой, полкой и розеткой, которая работала, если прижать вилку под правильным углом. Бронировать их можно было через сайт библиотеки на весь семестр, но только в одну смену: дневную, с восьми до десяти вечера, или ночную, с десяти до восьми утра. В июле Ася поставила будильник на шесть утра, чтобы успеть к открытию записи, и взяла седьмую. Дневную. Потому что семь — хорошее число, потому что у седьмой было окно, и потому что из неё не было видно часов на стене, а Ася ненавидела смотреть, как уходит время.

Она толкнула дверцу, поставила кружку на стол и замерла. На столе были крошки.

Не то чтобы много. Но вполне достаточно, чтобы любой разумный человек понял: здесь ели сушки. Ещё на столе лежал огрызок карандаша длиной с фалангу мизинца, сточенный до самого металлического ободка, и сложенная вчетверо страница из какой-то газеты с кроссвордом. Кроссворд был решён почти целиком. Почти. Одна клетка в середине была стёрта столько раз, что бумага там стала прозрачной.

Ася медленно выдохнула.

Это был третий день семестра и второй раз, когда она находила в своей кабине следы чужой жизни. В понедельник — забытую резинку для волос, явно не её, и смятый чек из шавермы. Во вторник ничего не было, и она уже решила, что

понедельник случился по ошибке. И вот, пожалуйста.

Она достала из пакета влажные салфетки, протёрла стол, потом подумала и протёрла ещё раз. Карандаш и кроссворд аккуратно положила на край полки, так, чтобы было видно: она их не выбросила, она не варвар. Потом села, открыла пачку стикеров и вывела ровным почерком отличницы:

Уважаемая ночная смена!

Я понимаю, что мы делим эту кабинку и что ночью, наверное, очень хочется есть. Но, пожалуйста, убирайте за собой крошки. Я прихожу в 8:00 и начинаю день с уборки, а это не входит в мой план. Спасибо.

Дневная смена

Она перечитала. Звучало как письмо из управляющей компании. Ася зачеркнула «пожалуйста» и написала «очень прошу». Потом зачеркнула и это, потому что стикер стал похож на черновик школьного сочинения, и переписала всё заново на чистый листок. Испорченный сунула в карман.

Клеить записку она решила на лампу. Лампу ночная смена точно не пропустит.

Потом Ася открыла ноутбук, проверила список на сегодня — шесть пунктов, три зелёных, два жёлтых, один красный — и погрузилась в немецкий синтаксис. Ей нужно было к пятнице сдать перевод письма Рильке, и она уже вторые сутки спорила сама с собой, как перевести одно-единственное слово, которое у Рильке значило одновременно «тоска» и «тяга». По-русски такого слова не было. По-русски прихо-

дилось выбирать.

Ася выбирать не любила. Особенно когда от выбора зависела оценка, а от оценки — стипендия.

Записка провисела на лампе весь четверг и всю пятницу, нетронутая. Ночная смена, видимо, взяла выходной. Ася каждое утро первым делом проверяла стикер — и злилась на себя за то, что проверяет.

Повышенная стипендия была не прихотью. Это была арифметика.

Общежитие стоило одиннадцать тысяч в семестр. Проездной — две с лишним в месяц. Еда, учебники, телефон, зимние ботинки, которые в Петербурге почему-то промокали даже в мороз. Мама каждый месяц переводила пять тысяч и каждый раз писала: «Если надо больше — скажи». Ася ни разу не сказала. Она знала, сколько мама получает в бухгалтерии на комбинате, и знала, как папа по вечерам считает на калькуляторе, хватит ли до зарплаты.

Поэтому были репетиторство, отличные оценки и тот самый проклятый пункт в положении о стипендии, который Ася обнаружила вчера, перечитывая документ в третий раз: «...а также активное участие в научной, общественной или творческой жизни университета».

— Это значит, что тебе нужны баллы за внеучебку, — объяснила Ника, когда Ася вечером показала ей пункт. Ника лежала на своей кровати вниз головой, задрав ноги на стену,

и ела хлопья прямо из коробки. — Ты можешь петь в хоре.

— Я не умею петь.

— В хоре никто не умеет. Это его главная тайна.

— Ника.

— Волонтёрство?

— Оно по выходным, а по выходным у меня ученики.

Ника перевернулась, едва не уронив коробку, и села по-турецки.

— Тогда дебаты, — сказала она торжественно. — Клуб «Агора». У них в пятницу открытая встреча, я видела афишу у столовой. Ты согласишься лучше всех, кого я знаю. Ты в прошлом году переспорила преподавателя по старославянскому.

— Я не спорила. Я просто показала ему, что в учебнике опечатка.

— Сорок минут показывала.

— Он не соглашался.

— Вот, — Ника указала на неё ложкой, хотя ела без ложки. Откуда у неё взялась ложка, Ася не поняла. — Именно об этом я и говорю. Пятница, семь вечера, аудитория двести четырнадцать. Я пойду с тобой. Для моральной поддержки. И потому что там, говорят, тренер — ничего такой.

— Мне нужны баллы, а не тренер.

— Тебе нужно и то и другое, просто ты пока об этом не знаешь.

Ася бросила в неё подушкой. Ника поймала.

В пятницу Ася пришла в двести четырнадцатую за семь минут до начала, потому что прийти вовремя значило опоздать. Ника пришла в семь ноль три, с двумя стаканами кофе, и вручила один Асе так, будто вручала орден.

В аудитории было человек двадцать. Первокурсники кучковались у окна и делали вид, что им не страшно. Несколько старшекурсников сидели на столах. Один, рыжий, с серьгой в ухе, громко рассказывал, как на прошлом турнире судья заснул во время его речи и проснулся, чтобы поставить ему высший балл.

— Потому что ему приснилась моя речь, — закончил рыжий. — Это было подсознательное убеждение.

Все засмеялись. Ася тоже, против воли.

— Это Артём, — прошептала Ника, которая каким-то образом уже знала всех. — Он на третьем курсе истфака. А вон тот — Глеб Ларин, тренер.

Ася посмотрела туда, куда кивнула Ника.

У доски стоял высокий парень в сером свитере с растянутыми рукавами и что-то писал маркером. Писал он медленно, будто каждое слово взвешивал. Тёмные волосы падали на лоб, и он отводил их тыльной стороной ладони, потому что пальцы были в синей краске от маркера. Ничего особенного. Обычный парень, каких на Васильевском тысяча.

Потом он повернулся, и Ася увидела, что написано на доске:

«Эта палата считает, что лучше быть честным, чем добрым».

— Добрый вечер, — сказал Глеб Ларин. Голос у него был негромкий, но в аудитории сразу стало тихо, будто кто-то выключил шум. — Сегодня никакой теории. Сегодня мы просто поспорим, а потом я расскажу, что вы сделали правильно. Не что неправильно. Что правильно. Неправильно вы и сами поймёте.

Он разделил их на команды за полминуты, просто пройдя по рядам и раздав цветные карточки. Асе досталась красная. Красные были правительством — они защищали честность.

«Отлично, — подумала Ася. — Это легко».

Это было не легко.

Пятнадцать минут на подготовку пролетели, как пять. Её напарник, первокурсник с испуганными глазами, сказал, что будет говорить вторым, и после этого молчал все пятнадцать минут. Ася исписала два листа аргументами, вычеркнула половину, переписала. Когда Глеб хлопнул в ладоши, у неё было три пункта, пример из Канта и пример из жизни, которым она не собиралась пользоваться.

Она вышла к кафедре и говорила семь минут. Говорила хорошо — она знала, что хорошо, потому что видела, как первокурсники перестали шептаться, а Артём на столе перестал качать ногой. Она сказала про доверие. Про то, что доброта, построенная на лжи, — это кредит, который придётся вернуть с процентами. Про то, что взрослого человека уни-

жает, когда его оберегают от правды, будто он ребёнок.

Когда она села, Ника показала ей два больших пальца.

Потом выступала оппозиция. Девушка с четвёртого курса — Ася не запомнила имени — говорила неплохо, но путано. Потом Ася снова отвечала. Потом наступила очередь Глеба: он, как тренер, должен был выступить «вне команд», с разбором.

Он встал, сунул руки в рукава свитера и сказал:

— Красная команда, первый спикер. Это была лучшая первая речь, которую я слышал на открытой встрече за два года.

Ася почувствовала, как у неё горят уши.

— И именно поэтому хочу показать вам, где она проиграла, — продолжил он тем же ровным голосом. — Вы сказали, что доброта без правды унижает взрослого человека. Это сильно. Но вы ни разу не сказали, что происходит с человеком, которому правду говорят без доброты. Вы построили мир, где есть только два варианта: соврать или сказать как есть. А оппозиция, если бы она была внимательнее, сказала бы вам: третий вариант — сказать правду так, чтобы человек смог её услышать. И тогда весь ваш кредит с процентами исчезает. Потому что честность и доброта — не враги. Они просто разные инструменты. Вы спорили не с оппозицией. Вы спорили с соломенным чучелом.

В аудитории кто-то тихонько присвистнул.

Ася сидела очень прямо. Она чувствовала каждый позво-

нок.

Он был прав. Это было хуже всего. Она сама почувствовала эту дыру, когда готовилась, — смутно, как сквозняк, — и решила, что никто не заметит. А он заметил. И сказал вслух, при всех. Спокойно и по-доброму, без единого колкого слова. Так, что даже обидеться было не на что.

— Ничего себе, — прошептала Ника. — Он тебя уважает.

— Он меня разгромил.

— Он тебя уважительно разгромил. Это разные вещи.

После встречи Ася быстро собрала вещи. Ей хотелось уйти до того, как кто-нибудь начнёт её утешать. Но у двери её догнал голос:

— Подождите.

Она обернулась. Глеб Ларин стоял в проходе с маркером в руке, как будто забыл его положить.

— Вы ведь придёте ещё? — спросил он.

— Мне нужны баллы для стипендии, — сказала Ася честно. Раз уж сегодня тема такая.

Он чуть улыбнулся. Улыбка была кривоватой, одним углом рта.

— Хорошая причина. Не хуже других. А что я сказал — это не потому, что речь была плохой. Наоборот. Плохую речь разбирать неинтересно.

— Я поняла, — ответила Ася. — Спасибо.

И ушла, не оглядываясь, потому что знала, что, если оглянется, он увидит её уши.

Ночью она долго не могла уснуть. Ника сопела за шкафом, по подоконнику барабанил дождь, а в голове у Аси по кругу крутилось: «Вы спорили с соломенным чучелом». Она мысленно переписывала свою речь, вставляла туда третий вариант, отбивала его, побеждала. В четвёртом часу она победила окончательно и наконец заснула.

В субботу библиотека открывалась в восемь, как всегда. Ася пришла в семь пятьдесят шесть — на четыре минуты позже обычного, потому что проспала. Сердитая на себя, на дождь и на Глеба Ларина, она толкнула дверь кабинки номер семь и остановилась.

Стол был чистым. Идеально чистым. Ни одной крошки. Карандаш исчез. Кроссворд тоже.

А на лампе, под её жёлтым стикером, был приклеен второй. Почерк был мелкий, наклонный, с длинными хвостами у букв «д» и «у», будто они торопились куда-то вниз.

Дорогая дневная смена!

Виноват, каюсь, исправлюсь. В свою защиту скажу только, что сушки крошатся сами, без моего участия. Это их природа. Я пробовал есть их над ладонью, но в три часа ночи ладонь об этом забывает.

Большие не повторится. Честно.

P.S. Спасибо, что не выбросили карандаш. Он со мной с первого курса. Глупо, но это мой талисман.

Ночная смена

Ася перечитала записку дважды. Потом ещё раз.

Потом поймала себя на том, что улыбается, и строго села за стол.

Но стикер не выбросила. Аккуратно отклеила и вложила между страницами своего ежедневника, на сегодняшнее число. Просто так. Для порядка.

Глава 2. Ночная смена

Глеб

— «Лучшая первая речь за два года», — передразнил Артём, когда аудитория опустела. Он сидел на подоконнике и болтал ногами, как пятилетний. — Ты так говорил ровно один раз. Мне. На первом курсе. А потом месяц не давал мне выступать первым, потому что, цитирую, «у тебя талант, но нет дисциплины».

— У тебя и сейчас нет дисциплины.

— Зато у меня есть харизма. — Артём спрыгнул на пол. — Слушай, а ты не перегнул? Она ушла с таким лицом, будто ей поставили «неуд» по любимому предмету.

Глеб стирал доску. Буквы «честным» и «добрым» сопротивлялись: маркер оказался перманентным, кто-то опять перепутал коробки.

— Перегнул, — сказал он наконец. — Наверное.

Он и сам видел её лицо. Видел, как она выпрямилась, когда он сказал про соломенное чучело, — будто приготовилась к удару и решила принять его стоя. Глеб знал это движение. Сам так делал лет с двенадцати.

Он не хотел её задеть. Он хотел, чтобы она увидела то, что видел он: что ей не нужно было прятать слабое место, потому что она достаточно сильная, чтобы его закрыть. Но объяснять это при двадцати людях было бы ещё хуже. А у

двери, когда он её догнал, вышло совсем неловко. «Плохую речь разбирать неинтересно». Гениально, Ларин. Просто гениально.

— Как её зовут? — спросил он.

Артём закатил глаза так выразительно, что, казалось, увидел собственный мозг.

— Вот. Вот оно. Началось.

— Ничего не началось. Я тренер. Мне нужно знать, кто ходит в клуб.

— В листке регистрации посмотри, тренер.

Глеб посмотрел. Почерк в листке был идеальный, как в прописях: «Белова Анастасия, филфак, 3 курс». Рядом с фамилией стояла аккуратная галочка в графе «Приду ещё». Глеб почему-то почувствовал облегчение.

— Анастасия, — сказал он вслух.

— Ася, — поправил Артём. — Её подружка так звала. Та, которая с кофе. Которая, кстати, со мной три раза переглянулась, но тебе это неинтересно, ты у нас человек дела.

— Мне это неинтересно, — подтвердил Глеб и надел куртку.

В четверть десятого он вышел из метро на «Василеостровской» и пошёл к библиотеке пешком, по Среднему, мимо закрытых кофеен и открытой шавермы, где продавец по имени Рустам знал его в лицо и всегда клал лишний огурец.

Сегодня Глеб огурец не взял. Он взял сушки.

Честно говоря, сушки были его маленькой зависимостью. Мама смеялась, что он ест их, как другие курят: когда нервничает, когда думает, когда не может решить задачу. Ванильные, маковые, простые — неважно. Главное, чтобы хрустели. Хруст помогал думать.

В ночной читальный зал он ходил с первого курса. Сначала — потому что дома, в двухкомнатной квартире в Купчине, его комната была одновременно комнатой Тимоши, а Тимоша спал так чутко, что просыпался, если Глеб слишком громко щёлкал мышкой. Потом — потому что привык. Ночью в зале было тихо, интернет был быстрым, а Зоя Павловна, хозяйка зала, к третьему году стала относиться к нему почти по-родственному. То есть ругала не каждый раз, а через раз.

Днём он работал. С десяти до четырёх — джуниор-разработчик в маленькой компании, которая делала приложение для доставки цветов, и Глеб уже полгода чинил в нём баг, из-за которого букеты иногда приезжали в Мурманск вместо Мурино. Между работой и ночью — пары. По пятницам — клуб. Ночью — диплом, курсовая по машинному обучению, которую научный руководитель называл «перспективной», что на языке научных руководителей означало «вы ещё ничего не сделали».

Спал он с шести до десяти. Иногда. Если везло.

На этой неделе не везло. В среду у них был релиз, и Глеб до двух ночи сидел в офисе, пока тимлид пил валерьянку и

говорил, что Мурманск — это тоже красивый город. В четверг Тимоше приснился кошмар про чёрную дыру, и он попросил: «Не уходи сегодня. Пожалуйста». Глеб не ушёл. Сидел рядом на полу, пока брат не заснул, держась за его рукав, и думал о том, что чёрные дыры, если честно, пугают и его тоже.

Так что в кабинке номер семь он не был со вторника.

— Ларин, — сказала Зоя Павловна, когда он прошёл мимо её стола. Она сидела в своей вечной шали и проверяла читательские формуляры. — Тебе там письмо.

— Какое письмо?

— Иди и посмотри. И если ты опять насвинячил, я сама тебе такое письмо напишу, что мало не покажется.

Глеб открыл дверцу кабинки и увидел жёлтый стикер на лампе.

Сначала он подумал, что это реклама. Потом прочитал.

Потом прочитал ещё раз и засмеялся. Вслух. В читальном зале, в десять вечера.

— Ларин! — донеслось от стола.

— Простите, — прошептал он. И всё равно продолжал улыбаться, глядя на записку.

«Уважаемая ночная смена». Не «эй ты», не «свинья», не «убирай за собой». Уважаемая. Почерк был ровный, круглый, с правильным наклоном, и каждая буква стояла на своём месте, как солдат на параде. Фраза «это не входит в мой план» чуть его не добила. Глеб представил себе человека, у

которого есть план на день и в этом плане нет пункта «убрать за незнакомцем крошки». Человека, который приходит в восемь утра. В восемь, в субботу тоже, судя по сайту бронирования. У которого есть план.

Ему стало стыдно.

Не очень сильно — так, на троечку. Но стало.

Стол был чистым. Пахло влажными салфетками, чем-то лимонным. Его карандаш лежал на полке, бережно, рядом со сложенным кроссвордом. Не выброшен. Положен так, чтобы он сразу увидел.

Карандаш был с ним с одиннадцатого класса. Этим карандашом он писал пробник по математике, потом черновик настоящего экзамена, потом заявление в университет. Глупость, конечно. Карандаш — это просто графит в дереве. Но когда что-то не получалось, Глеб брал его в руку, и рука вспоминала, что когда-то всё получилось.

Незнакомый человек из дневной смены этого не знал. Но почему-то не выбросил.

Глеб сел, достал из рюкзака блокнот, вырвал листок, подумал и положил его обратно. Отклеил от стопки, которую незнакомка оставила на полке, жёлтый стикер. Её стикер, её правила. Это было справедливо.

Он писал минут десять, хотя текст получился короткий. Зачёркивал. Переписывал. Думал, не слишком ли фамильярно — «дорогая». Решил, что «уважаемая» в ответ на «уважаемую» прозвучит, как переписка двух налоговых ин-

спекций. Оставил «дорогая». Добавил постскрипту про карандаш, а потом долго смотрел на него и думал, не убрать ли. Слишком личное. Кому какое дело до его талисманов?

Но она не выбросила карандаш. Значит, ей было какое-то дело. Хотя бы маленькое.

Постскрипту остался.

Сушки он в ту ночь ел над пакетом. Очень сосредоточенно, как сапёр. А в половине шестого, перед уходом, вытер стол рукавом, потом салфеткой из своего рюкзака, потом подумал и протёр ещё лампу, хотя лампа была ни при чём.

Кроссворд он забрал с собой. Там оставалось одно слово, которое не давалось ему с понедельника.

Дома все ещё спали.

Глеб разулся в прихожей, бесшумно, привычно, на цыпочках прошёл на кухню. На холодильнике под магнитом в виде Сатурна висела записка маминым почерком: «Суп в синей кастрюле. Поспи. Я серьёзно». Последние два слова были подчёркнуты дважды.

Он разогрел суп, съел, стоя у окна. За окном светало серым, как бывает в Петербурге в сентябре: будто кто-то не включает свет, а просто медленно делает темноту прозрачнее. На детской площадке сидела ворона и ела что-то из пакета. Глеб посмотрел на неё с солидарностью.

Потом он лёг на свою кровать, не раздеваясь, и закрыл глаза.

— Ты опять всю ночь? — сказал голос с соседней кровати.

Глеб открыл один глаз. Тимоша сидел, завернувшись в одеяло, как маленький космонавт в скафандре, и смотрел на него очень серьёзно. Девять лет, зубы по-прежнему кривые, веснушки, которые достались ему от отца. Глеб старался об этом не думать.

— Не всю, — сказал он. — Немножко.

— Ты всегда говоришь «немножко».

— Потому что я всегда немножко.

Тимоша подумал над этим ответом и, видимо, решил, что он нелогичный, но спорить в такую рань не стал.

— А ты знаешь, что на Сатурне идут алмазные дожди? — спросил он вместо этого.

— Знаю. Ты мне говорил.

— А что плотность Сатурна меньше плотности воды? И если бы была такая большая ванна, он бы в ней плавал?

— Это тоже говорил.

— А то, что я тебя люблю?

Глеб открыл второй глаз.

— Это не говорил, — сказал он. — Это новое.

— Ну вот, — Тимоша удовлетворённо лёг обратно. — Теперь сказал. Спи.

И Глеб уснул так быстро, будто его выключили.

В субботу он проснулся в час дня — роскошь, которую позволял себе раз в неделю, — и полдня провёл с Тимошей

в Планетарии. Мама взяла дополнительные уроки: в сентябре у неё всегда были дополнительные уроки, потому что девятиклассники вдруг вспоминали, что в мае экзамен, и их родители начинали паниковать. Глеб не возражал. Тимоша объяснял ему звёздное небо, а Глеб делал вид, что не знает, где Кассиопея.

А вечером, в начале одиннадцатого, он снова открыл дверцу кабинки номер семь.

На лампе висел новый стикер. Тот же круглый почерк. Глеб почувствовал, как что-то в груди коротко и глупо подпрыгнуло, и строго велел этому чему-то сидеть смирно.

Ночная смена,

Ваше покаяние принято. Стол я проверила с лупой — чисто. Даже лампа. Спасибо за лампу, это было необязательно, но приятно.

Талисман уважаю. У меня тоже есть: синяя ручка, которой я писала ЕГЭ. Она давно не пишет, но я её не выбрасываю.

P.S. Простите, я подсмотрела ваш кроссворд, пока переключивала. 14 по горизонтали — «фёрнве». Это немецкое слово, тоска по далёким местам, где ты никогда не был. В русском такого слова нет. Поэтому, наверное, вы его и не могли вспомнить.

Дневная смена

Глеб достал из рюкзака сложенную газету. Нашёл четырнадцатое по горизонтали: «Зов дали, тяга к странствиям

(нем.)». Шесть клеток. Он перебрал все варианты, которые знал, — а знал он по-немецки ровно три слова, и одно из них было «капут».

Он вписал карандашом: Ф-Е-Р-Н-В-Е.

Подошло. Идеально, как ключ в замок.

Глеб долго сидел, глядя на это слово. Тоска по местам, где ты никогда не был. Он никогда не был нигде дальше Пскова. Даже на море — в детстве собирались, а потом отец ушёл, и стало не до моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.